

Человек должен прожить три жизни: прошлую, настоящую и будущую. Именно это сказал ему недавно один высокопоставленный монах, когда он прогуливался по храму Цзядэ.

Впрочем, фраза должна была иметь продолжение, но, возможно, дело было в нем самом — у него не оказалось с собой денег на подношение, поэтому монах лишь посоветовал ему найти тенек и отдохнуть.

Это как нельзя лучше соответствовало его планам. Он дошел до станции метро и, не спеша, опираясь на перила, спустился по лестнице. В шестьдесят лет, даже при крепком здоровье, лучше лишний раз подстраховаться.

Дрожащими ногами он встал у края желтой линии и уставился на пустые, пугающие рельсы. Закрыв глаза, он словно принялся перелистывать страницы прожитой жизни. В отличие от него, остальные пассажиры, хоть и стояли за желтой линией, все равно держались подальше от края — платформы были пусты, время позднее, людей почти не было.

Секунды тянулись одна за другой, приближался поезд — гул уже чувствовался кожей. Старик все никак не мог решиться. Открыв глаза, он хотел было отойти назад, но боковым зрением заметил серого юношу.

— Осторожно!

— Поезд идет! Быстрее, держите его!

В эпоху пробуждения национального сознания у людей в сердцах горел огонь справедливости, но юноша рванул вперед слишком быстро и неожиданно. Никто не успевал его перехватить, да и каждый, кто мог бы попытаться, невольно задумывался: а хватит ли сил удержать?

— Черт!

Выругавшись, охранник бросился в сторону парня, но опоздал на долю секунды. Юноша, чьи глаза были полны решимости умереть, зажмурился перед лицом неминуемой гибели. Он все-таки боялся смерти, просто долгое время подавляемые чувства вырвались наружу, и эта сила оказалась сильнее воли.

Но тут...

— Хлоп! Вжик!

Мощный рывок за правую руку заставил юношу открыть глаза. Он увидел, как старик под действием инерции сам оказался на путях. В следующее мгновение рука охранника вцепилась в парня и рванула его назад, за спину.

Вагон метро пронесся в сантиметре от вспотевшего носа охранника, обдав его ледяным потоком воздуха.

— У... умер... — юноша застыл на месте. Тот, кто должен был погибнуть, спас его, а старик теперь лежал на путях, растерзанный поездом.

— Человек должен прожить три жизни: прошлую, настоящую и будущую, господин... ну, вы понимаете.

Хотя монах выразительно косился на ящик для пожертвований, старик прекрасно понимал намеки. Но он был человеком, который уже решил уйти из жизни — к тому же мужчиной, прожившим две жизни, — и не собирался перед смертью таскать с собой пачки купюр. Это было бы неуважением к основателю государства.

Видимо, поняв, что с этого старика взять нечего, монах потерял к нему всякий интерес и, указав на дверь, бросил:

— Господин, храм Цзядэ помогает только тем, с кем у нас есть кармическая связь. Если дел нет, идите направо, найдите тенек и сидите там, возраст-то уже не тот.

Ему было все равно. В этот фальшивый храм он забрел от скуки. Прожив две жизни — в первой он не дотянул и до двадцати, во второй был сиротой без роду и племени — в свои восемьдесят лет он был готов отправиться на перерождение.

Но чего он никак не ожидал, так это того, что переродиться действительно можно!

— Уа-а-а!

Плач младенца до смерти напугал акушерку, она тут же зажала ему рот. Испуг сменился яростью, когда она посмотрела на ребенка.

Обессиленная, но все еще прекрасная мать с надеждой взглянула на женщину:

— Мальчик... это мальчик?

— Девочка!

Акушерка пришла в бешенство. Если бы не то, что мать еще не пришла в себя, она бы задушила младенца на месте.

— У-у-у! — новорожденная еще не умела дышать носом и пыталась вдохнуть ртом, но акушерка

плотно закрыла его рукой, ни капли не заботясь о жизни ребенка.

— Чего орешь! Столько риска, и ради чего? Родить такую рабыню! Ты меня погубишь!

Хотя слова были адресованы младенцу, слышала их только мать. Лицо ее исказилось — не только от послеродовой слабости, но и от того, что надежда, горевшая в глазах, погасла после слов о девочке. Она не хотела верить!

— Сестра, скажи, что это не так! Это не девочка, это мальчик, правда? Ты ведь просто шутишь?

— Ты с ума сошла? Думаешь, я сама не хочу, чтобы это был мальчик? Я девять месяцев рисковала жизнью, скрывая твою беременность, только ради того, чтобы ты родила наследника! Если бы это был он, стала бы я с тобой играть?

Услышав это, мать была готова лишиться рассудка. Она уже даже имя сыну придумала — Кайд, если король не позволит дать свою фамилию, а если позволит — то имя выбрал бы сам король. Но теперь вопрос был не в имени, а в том, выживет ли ребенок вообще. В эпоху Небесного Дворца, где женщины были лишь игрушками, у девочки не было никаких прав.

Сестра, не разделяя ее иллюзий, поторопила:

— Хватит грезить. Мы близнецы, я пять раз подменяла тебя, и нас не раскрыли, но рано или поздно это выйдет наружу. Быстро приберись здесь, все эти тряпки, все, на чем была кровь, сожги дотла!

— А... а ты?

— Я? — сестра посмотрела на младенца, который только что научился дышать носом. Ее взгляд стал ледяным. — Я избавлюсь от нее.

Мать, еще секунду назад пребывавшая в прострации, встрепенулась. Она рванулась вперед, пытаясь вырвать ребенка!

— Нет! Это мой ребенок! Не смей!

Сестра, не ожидавшая отпора, отшатнулась, и рука, закрывавшая рот младенцу, невольно разжалась.

— Бах!

— Ya! Ya!

Под плач ребенка сестра ударилась спиной о стену, и не успела она устоять на ногах, как сестра-близнец набросилась на нее. Две пары рук вцепились в младенца.

— Малышка, малышка, мама здесь, мама никому тебя не отдаст!

— Отдай ребенка! Отдай! Ты сумасшедшая! Носить ребенка короля — это смертный грех! А я, подменяя тебя в постели, сколько раз уже рисковала головой? Я так тебе помогала, я так тебя люблю, а ты из-за этой твари хочешь меня погубить?!

Материнский инстинкт придал сестре сил, которых не ожидала другая, но та, кто поставила на кон свою жизнь ради богатства, тоже не была святой. Видя, что младенец вот-вот ускользнет, она разжала руки.

Когда сестра упала на пол с ребенком, та вскочила, схватила со столика ножницы и с силой вонзила их в шею младенца!

— Бах!

— Стоп, стоп, стоп!

Дверь распахнулась от удара ноги. В комнату вальяжно вошел молодой красавец с золотыми волосами и голубыми глазами, облаченный в доспехи.

Услышав его голос, сестра, еще мгновение назад похожая на фурию, тут же рухнула на колени, уткнувшись головой в пол. Она дрожала всем телом, боясь даже вздохнуть, ожидая следующего слова.

Но мужчина лишь трижды повторил свое стоп, после чего с любопытством принялся рассматривать обстановку. Туалетный столик с духами и косметикой, в зеркале которого отражался пустой пол. Там, где должна была быть кровать, лежали куски ткани, пропитанные кровью и потом, а рядом валялись грубые инструменты — ножницы, бинты, белые перчатки.

Золотоволосый красавец потрогал влажную пуповину на белой ткани, затем подошел к матери и нежно коснулся пальцем щеки младенца.

— Хи-хи-ха!

— О-о-о, какая маленькая красавица, просто прелесть.

Радостный смех младенца позабавил мужчину. Он продолжал играть с ребенком и спросил:

— Имя уже дали этой красавице?

Мать, все еще не пришедшая в себя, одновременно боялась и радовалась — король хвалил ее дочь.

— Хотели назвать Кайд, если бы был мальчик... но она сейчас...

Мальчик стал девочкой, чего мать никак не ожидала. Золотоволосый мужчина осторожно протянул руки, чтобы взять ребенка. Узы подчинения, вбитые в самую душу, не позволили матери сопротивляться.

— Такая маленькая красавица, Кайд — слишком грубое имя. Но это твой ребенок... э-э... и мой тоже. Давай я изменю один иероглиф, как тебе?

Хотя вопрос был задан вежливо, разве могла она возразить? К тому же, если ребенок лишится иероглифа Кайд, это означало взлет до небес.

— Пусть будет... Кейл. Как тебе? По-моему, ей очень подходит.

Говоря это и играя с дочерью, Хуа Е мельком заметил что-то у нее на правом плече.

— Погоди, это еще что...

Он слегка приоткрыл белую ткань, в которую был завернут младенец, и увидел нечто, похожее на огненно-красную рукоять меча. Хуа Е с любопытством раздела ребенка и поднял его, рассматривая спину.

На коже младенца четко проступал огненно-красный узор меча, на лезвии которого виднелись золотые письмена — он их не понимал, но это выглядело впечатляюще.

Словно найдя новую забавную игрушку, Хуа Е радостно воскликнул:

— Мне нравится этот ребенок... заберу ее поиграть... А что до вас, дряни... смотреть на вас противно, особенно на тебя!

Он с силой наступил на голову сестры и выругался:

— Тварь, как же ты мне надоела.

Стиснув зубы от боли, сестра не издала ни звука. Вторая сестра тоже потеряла всю свою решимость и не осмелилась отобрать ребенка у Хуа Е. Перед этим мужчиной, перед Хуа Е, они трепетали до мозга костей — один лишь звук его голоса заставлял их падать на колени.

Пока Хуа Е не вышел из комнаты с Кейл на руках, сестры не проронили ни слова.

— Король, что делать с ними? — спросил кто-то, стоявший в тени.

— Убейте обеих, чтобы не создавали проблем.

— Слушаюсь.

Одно слово решило судьбу двух женщин, а Хуа Е это было совершенно безразлично. Он широкими шагами шел прочь, неся Кейл — свои покои он любил куда больше, чем это убогое место.

— Пошли, папа покажет тебе, что такое настоящие красавицы! Ха-ха-ха!

Хотя Кейл была еще младенцем и девочкой, ее не интересовали женщины, но, прожив две жизни, она прекрасно знала, как именно нужно отреагировать, чтобы отец остался доволен.

— А, а, ха-ха-ха!

Смех младенца снова позабавил Хуа Е, и он еще больше привязался к этой неожиданной находке.

Тем временем в комнату, полную запаха крови, ворвались ангелы-мужчины в римских доспехах с мечами в руках. Получивший приказ Хуа Е мужчина поморщился и прикрыл нос пальцами, сложив их в изящном, почти женственном жесте.

Однако его следующие слова были далеки от мягкости:

— Решили выбиться в люди, родив Хуа Е ребенка? Ну надо же было придумать такое... Эй! Зарубите этих бесстыжих тварей и скормите птицам!

— Есть!

Не став пачкать руки самому, мужчина жестом приказал шестерым ангелам схватить близнецов. Под их крики он элегантно вытер кровь, брызнувшую на нос, и в его глазах не было ни капли жалости.

<http://bllate.org/book/22125/2304481>